Голос, окликнувший Цзюнь Чи, принадлежал той самой полевке, что вела сородичей на битву с муравьями. Если судить по меркам грызунов, вожак был чертовски хорош собой: статный, мощный, преисполненный свирепого достоинства. Вот только Цзюнь Чи еще помнил, как этот «герой» малодушно удирал от неподвижного дерева.

Цзюнь Чи вел себя осторожно, стараясь ничем не выдать, что в теле их брата теперь ютится чужая душа. Не проронив ни звука, он юркнул в густую траву следом за остальными.

— Ну и невезение, — ворчал вожак на бегу, то и дело оглядываясь на отставших. — Выбрались спозаранку, а всё впустую. Придется искать пропитание в другом месте.

— Хочу белоплодник, — подала голос самочка, их четвертая сестра. Она пищала совсем по-девичьи капризно. — Терпеть не могу мясо.

Вожак фыркнул, не замедляя шага:

— Еще чего… Что за белоплодник?

— Брат, ты чего, память потерял? — удивилась та. — Раньше ты его обожал.

— Забыл, и точка! — огрызнулся вожак. — Живо выкладывай, что это, и если найдем — набьем пузо. С самого вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было, ошметок мяса — и тот на зубах не застрял. С голоду помираю.

— Вообще-то, — робко вставил пятый брат, — корни деревьев тоже ничего…

— Пока я, Кун Сю, ваш вожак, — высокомерно перебил его старший, — никто не будет грызть корни! Ладно, мяса не обещаю, но плоды раздобудем.

— Брат, — изумилась Четвертая, — а когда это ты именем обзавелся?

— Я своего имени никогда не менял и не скрывал, — важно изрек тот. — Просто зовите меня Старшим, этого достаточно. Так где этот ваш белоплодник? Показывайте, пока я не околел.

Цзюнь Чи начал догадываться, что ошибся в классификации своего вида. Вряд ли обычные полевки, славящиеся своей всеядностью и живучестью, могли быть столь привередливы. Скорее всего, они принадлежали к какой-то более «благородной» породе грызунов, наделенной правом на гастрономические капризы.

Это открытие его расстроило. «Я-то надеялся быть существом, способным выжить на чем угодно. Быть деревом было куда проще: вонзил корни в землю — и никакой голодной рези в животе».

Сейчас же желудок Цзюнь Чи скрутило так, что он готов был впиться зубами в первый попавшийся сочный корень. Но не успел он присмотреться к торчащему из земли отростку, как Старший прикрикнул:

— Третий! Ты чем там занят?

— Корни ищу, Старший. Проголодался.

— Ничтожество! — рявкнул вожак, наградив Цзюнь Чи чувствительным тычком лапой по крупу. — Чтобы мой брат жевал землю? Ну уж нет. Живо за плодами!

Оскорбленному «Третьему» ничего не оставалось, кроме как подчиниться и припустить вслед за остальными к виднеющемуся вдали лесу.

Путь предстоял неблизкий. Пересекая ручьи и овраги, они то и дело натыкались на полчища насекомых. Жуки и гусеницы, казалось, в едином порыве куда-то мигрировали.

— Старший, — пискнул трусливый Пятый, — мне не по себе. Может, и нам стоит убраться отсюда, как этим козявкам? Чует мое сердце, добром это не кончится.

— Трусость — удел слабых! — отрезал Кун Сю. — Пока враг не превосходит нас числом и силой настолько, чтобы мы не могли дать сдачи, нужно идти напролом.

Братья и сестры лишь устало выдохнули, едва передвигая лапы от голода.

Для грызунов они бежали довольно резво и вскоре достигли опушки. Даже Цзюнь Чи уловил манящий, густой аромат маслянистых зерен. Четвертая сестра зажмурилась от восторга:

— О-о, чуете? Это белоплодник. Созрел и осыпался. Главное — успеть раньше муравьев, а то они мигом всё выедят. Да и древесные крысы — те еще ворюги, вечно лезут в драку.

— Сегодня я здесь хозяин, — прорычал Старший. — Кто посмеет сунуться — живо шкуру спущу. Вперед!

Лес состоял из странных деревьев: не слишком толстых, но неимоверно высоких, чьи вершины уходили прямо в небо. Стволы и ветви были усеяны острыми шипами, даже на листьях виднелись колючки. Глядя снизу вверх, Цзюнь Чи чувствовал себя ничтожной пылинкой — так недосягаема была крона, где среди листвы прятались редкие черные восьмигранные плоды.

На земле их и впрямь было в достатке. Созревая, «восьмигранники» раскрывались, наподобие диковинных цветов, и падали вниз. Те, что лежали с краю, уже зияли пустотой. Пройдя вглубь леса, братья нашли нетронутый плод, но внутри уже копошился крупный муравей. Заметив

незваных гостей, насекомое лишь на миг обернулось и с прежним усердием продолжило грызть белую, сияющую мякоть, оправдывающую название «белоплодник».

Старший бесцеремонно отпихнул муравья и впился резцами в скорлупу. Его зубы были необычайно крепкими — в пару мгновений он добрался до лакомства. Жадно проглотив несколько кусков, Кун Сю вспомнил о голодной свите. Поймав на себе их полные вожделения взгляды, он нехотя подвинул плод Четвертой сестре:

— На, ешь.

Та, не тратя времени на благодарности, принялась за еду. Остальные грызуны, включая Цзюнь Чи, едва сдерживали слюну — запах был невыносимо прекрасным. Вскоре каждый нашел себе по «цветку» и занялся делом.

Когда первый голод был утолен, Второй предложил:

— Надо бы сделать запасы и отнести в нору.

— В лесу их полно, — отозвался Старший, утирая морду. — Наедимся до отвала, тогда и соберем.

— Но это территория древесных крыс, — предостерег Второй.

— Теперь это моя территория! — пафосно провозгласил вожак и тут же вскрикнул: — Ай! Это еще что за шутки?!

Сверху посыпался град пустых скорлупок. На ветвях сидели древесные крысы, используя остатки плодов как снаряды. Пятерка внизу превратилась в мишени.

— Спускайтесь, ничтожества! — вскипел Кун Сю. — Разорву в клочья!

— Это наш лес! — донеслось с высоты. — Проваливайте, пока целы!

— Земля принадлежит сильнейшему! Так говорил я, Кун Сю! — выкрикнул Старший, пытаясь блеснуть красноречием.

Крысы на деревьях озадаченно переглянулись. Вдруг на соседнем стволе показался еще один грызун. Он расхохотался, издевательски попискивая:

— Ой, глядите-ка! Да это же крошка Кун Сю! И надо же — превратился в голозадую землеройку!

Судя по всему, этот наглец тоже был участником испытания и узнал «молодого господина». Кун Сю похолодел, а затем выдал ледяным тоном:

— Даже с голым задом я остаюсь воплощением изящества и мудрости. А ты кто такой? Жалкий аноним, возомнивший, что может дерзить мне?

— Теперь это мои владения, — ухмыльнулся соперник. — Сил у нас нет, остались лишь инстинкты. Вот и проверим, чего стоит твоя мудрость, когда я прихлопну тебя, как вошь!

С этими словами он бесстрашно ринулся вниз. Кун Сю настороженно отступил.

— Даже имени своего назвать боишься, слабак! — внезапно выкрикнул Цзюнь Чи. — Братья, сестры! Чего стоим? Навалимся на выскочку! Покажем ему, как нашего вожака задирать!

Остальные полевки оторопели: вечно тихий Третий вдруг превратился в ярого заводилу. Впрочем, раздумывать было некогда. Четверка дружно бросилась на врага, не дожидаясь, пока Старший вступит в бой.

— Ай! Кто меня в живот пнул?! Ой-ёй, сейчас всё съеденное выскочит… — заверещала древесная крыса под градом ударов. — Мой хвост! Кто откусил мне хвост?! Моя шерсть, моя прекрасная шерсть!.. Спасите!

Пока поверженный враг испускал стоны, его сородичи на деревьях опомнились. Десятки теней, подобно летучим мышам, заскользили вниз на перепонках, готовясь раздавить наглецов числом.

Но в этот миг лес содрогнулся. Из самой чащи донесся грохот, сопровождаемый мощной волной, от которой у грызунов заложило уши. Птицы с истошными криками взмыли в небо.

— Бегите! — закричал кто-то с дерева. — Огненный Дракон проснулся!

Драка заглохла, не успев начаться. Все замерли, охваченные первобытным ужасом.

— Что еще за Огненный Дракон? — тупо переспросил Кун Сю.

Четвертая и Пятый уже вовсю удирали к опушке.

— Дракон — это Дракон! Беги, дурак! — взвизгнула сестра.

Лес пришел в движение. Древесные крысы, муравьи, жуки и даже крупные звери — все в едином порыве ломанулись прочь. Земля ходила ходуном. Цзюнь Чи окликнул застывшего

вожака:

— Старший!..

Кун Сю наконец очнулся. Могучая энергия, бившая из недр леса, лишила его всякого желания геройствовать.

— Уходим!

Цзюнь Чи бежал из последних сил, лавируя в хаосе лап и копыт. Его едва не раздавила древесная крыса, он поскользнулся на камне, отлетел в сторону от удара какого-то крупного зверя… Голова шла кругом. Пытаясь удержаться на плаву в этом живом потоке, он изловчился и прыгнул, вцепившись мертвой хваткой в жесткую щетину на спине пробегавшего мимо кабана.

Кабан несся как сумасшедший. Цзюнь Чи едва не вывернуло наизнанку от бешеной скачки, но зато он был в безопасности — выше копыт и зубов. Оглянувшись, он увидел, как над лесом поднимаются столбы черного дыма и пепла. «Вулкан», — мелькнуло в голове.

Дикие звери не могли построить плоты, поэтому весь этот обезумевший поток огибал озеро, стремясь на другой берег.

Кабан вскоре почуял «пассажира». Он принялся брыкаться и тереться о деревья, пытаясь сбросить грызуна. Цзюнь Чи, которого уже тошнило от белоплодника, предпочел спрыгнуть сам. Немного придя в себя, он увидел Кун Сю и остальных — они чудом уцелели в этой давке.

Мирный край превратился в ад. Повсюду царила паника, звери рвались к озеру. Цзюнь Чи краем уха уловил сообщения о выбывших участниках — многих попросту растоптали в начавшейся суматохе.

Избегая скоплений крупных хищников, полевки упорно продвигались к цели. Внезапно Цзюнь Чи почувствовал странный зуд на макушке. Стоило ему поднять лапу, чтобы почесаться, как тонкий голосок произнес:

— Эй, приятель, не ворчи. Подбрось немного, а?

Цзюнь Чи замер. На его голове устроился какой-то крохотный постоялец, вроде муравья. Решив не тратить силы на споры, он продолжил путь.

Они преодолели лишь половину пути вокруг озера, когда из далекого горного пика вырвались струи раскаленной лавы. Огненные брызги подожгли лес, и великий пожар начал медленно, но неотвратимо подползать к берегам. Терять время было нельзя.

http://bllate.org/book/17440/1663754